

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
НА ДИССЕРТАЦИЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
ИВАНА АНДРЕЕВИЧА ЛАДЫНИНА
НА ТЕМУ
«НАЧАЛО МАКЕДОНСКОГО ВРЕМЕНИ В КАТЕГОРИЯХ
ТРАДИЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН
КОНЦА IV – НАЧАЛА III В. ДО Н. Э.»
по специальности 07.00.03 «Всеобщая история
(Древний мир)»

История последних веков до нашей эры, когда Египет оказался под властью македонских правителей – явление чрезвычайно своеобразное. С одной стороны, на протяжении почти всего I тысячелетия до н. э. Египет жил под властью иноземцев – ливийцев, эфиопов, ассирийцев, персов, и образ его жизни и идеология за это время уже приспособились к столь ненормальной для него ситуации. С другой стороны, Египет впервые в полной мере столкнулся с культурой, хотя и сильно уступающей ему в древности, но не уступающей в своей мощи и, самое главное, внедрившейся в Египет (ливийцы и кушиты культурно были вторичны по отношению к Египту, а персидские и ассирийские цари на египетском престоле никогда реально не сидели). В силу этого египтянам потребовалось всерьез задуматься о том мире, в котором они оказались с приходом Александра и его последователей, и сформулировать ответ на возникшие в этой связи вопросы.

И. А. Ладынин на протяжении долгих лет занимается начальными десятилетиями этого интереснейшего периода от Александра до воцарения Птолемея I, который он называет

«началом македонского времени» (что оправданно – это еще не «птолемеевское время»). Здесь им много сделано, и представленная диссертация подводит итоги проделанной работы. Она не может не вызывать уважения – уже один объем в 900 страниц и библиография на почти что 80 страницах (причем библиография работающая) говорят сами за себя. Однако важнее другое: обращаясь к проблеме описания аномальной политико-культурной ситуации в категориях классической египетской культуры, автор зачастую оказывается первопроходцем. В определенном смысле это закономерно. Мировая египтология не плохо, хотя и не исчерпывающе, представила памятники этого времени и сделала многое для их формального изучения, а русская египтология, на протяжении последнего полувека более успешно, чем другие национальные школы, занимавшаяся глубинными основами египетской культуры, дала инструменты для осмысления соответствующей проблематики. Языковой барьер не позволял западной науке воспользоваться этими инструментами, и был необходим именно ученый русской традиции; им и стал И. А. Ладынин.

Писать стандартный отзыв на работу таких масштабов невозможно: если рассматривать технические детали, то он окажется по крайней мере не короче самого исследования. Поэтому я не буду заниматься традиционным обзором каждой главы, а обращусь к основным проблемам, поднятым диссертантом. Это вполне оправданно, так как на том этапе своего развития, которого он сейчас достиг, его интересует именно осмысление

материала, а техника в достаточной мере представлена в опубликованных и уже хорошо известных работах.

Автор, несомненно, прекрасно знает источники самого разного рода и историографию рассматриваемой им проблематики. Вообще говоря, его работа помимо тех результатов, к которым он стремился, выступает в роли хорошего, практически исчерпывающего пособия по материалам раннемакедонского времени. Он свободно работает с материалами египетскими (письменными, включая иероглифику и иератическую и демотическую скоропись, и, что не менее важно, архитектурными и изобразительными), греческими и латинскими; в хронологическом отношении он учитывает памятники всех периодов египетской истории, особенно второй ее половины. При этом в подавляющем большинстве случаев он не полагается на мнения предшественников, а самостоятельно детально анализирует памятники с разных сторон. К тому же он несомненный концептуалист – для него принципиально важно теоретически осмыслить все свои результаты. На этом пути есть опасности (речь о них ниже), так как дошедшая до нас информация все-таки очень ограничена, но идти по нему необходимо, так как науку движут все-таки теории, в равной мере справедливые и неверные, ибо без них источники не более чем куча случайных фактов.

В результате своей работы автор включает аномальную для египтян ситуацию раннемакедонского времени в контекст всей истории того, что в египтологии принято называть царской идеологией. Царская идеология – явление центральное для

древнеегипетской культуры. По сути это комплекс представлений о божественности правителя, который сильно менялся с ходом времени. При этом то, какие конкретные формы имела божественность царя в каждую историческую эпоху, все еще является предметом больших споров. Раннемакедонское время здесь представляет особые трудности в силу своеобразия исторической ситуации и отражающих ее источников и их довольно ограниченного числа. Автор убедительно показывает, что в условиях существования у египтян серьезных сомнений в божественности Александра, им был очень грамотно проведен комплекс строительных работ, направленный на подтверждение своего сакрального статуса. Те же тенденции, направленные уже на Филиппа Арридея продолжались при сатрапе Птолемея, но при номинальном правлении Александра IV начинается политика умаления его сакральности в пользу Птолемея, который постепенно формировал свой собственный сакральный образ. Эти выводы интересны и не вызывают сомнений, но возникает очень серьезный вопрос о том, кто стоял за македонцами во всех этих делах – для них была необходима очень специфически египетская грамотность и изощренность в идеологических построениях, которых у пришельцев, разумеется, не было. Ответа на этот вопрос нет, хотя, возможно, его и не может быть в принципе при наличествующих источниках.

Еще одна поднятая и разрешенная проблема – взгляд из раннемакедонского Египта на окружающий мир. Если в первоначальной египетской идеологии он был местом, в отличие от Египта не обустроенным богами и не вызывал особого интереса,

а во времена Нового царства представлялся объектом экспансии, то в своеобразной ситуации сатрапа Птолемея, который, с одной стороны не имел сил для значительных военных операций, а, с другой стороны, не будучи царем не мог проводить идеологию, согласно которой мир всегда подчинен Египту в силу самой природы его правителя, пришлось взять курс на идеологический изоляционизм, продолженный последующими Птолемеями. Наряду с этим был введен в оборот мотив святотатств чужеземцев по отношению к египетским храмам, появившийся еще в связи с персидским завоеванием, но совершенно невозможный в более раннее время.

Проблема, которой И. А. Ладынин много занимался и которая является одной из основных и в его диссертации – египетское отношение к своей истории как к большим циклам, проходящим стадии основания, расцвета и надлома. В категориях трех таких циклов написана история Манефона; раннемакедонское время оказывается началом нового цикла, основателями которого являются Александр и сатрап Птолемея/Птолемей I. Для того, чтобы создать основу для объяснения начала четвертого цикла автор подробнейшим образом исследует историческую традицию о предшествующих циклах, сохранившуюся в античных текстах, и сопоставляет ее с собственно египетской традицией. Это исследование, выполненное с большой текстологической виртуозностью, занимает значительную часть диссертации и производит очень сильное впечатление. Много из того, что писалось на сходные темы ранее, теперь следует пересматривать в свете наблюдений и гипотез И. А. Ладынина.

Думаю, что сказанного вполне достаточно для того, чтобы понять, что диссертация заслуживает высокой оценки, и теперь можно перейти к критической части.

Недостатки работы вытекают непосредственно из ее достоинств. Автор, как уже говорилось, склонен к теоретическим обобщениям, чего нельзя не приветствовать. Однако, как и всегда в египтологии, нам фатально не хватает материалов, причем в огромном количестве случаев мы не можем сказать, типичны ли или исключительны дошедшие до нас свидетельства. Согласиться со вторым значит не только признать предельную фрагментарность наших реконструкций (это понятно), но и постулировать принципиальную недоказуемость наличия каких-либо связей между этими фрагментами и невозможность выявить обусловленность одних событий другими. Особенно критична ситуация при широком хронологическом охвате. Действительно, мы практически ничего не знаем о механизме трансляции исторической традиции на протяжении трех тысячелетий, а именно этот механизм в каждом конкретном случае отвечает за объективность или необъективность сведений, которые потомки получают от предков. Для нашей позитивистской науки признание всего этого было бы полным крахом, и мы условно соглашаемся считать, что материал, которым мы оперируем, достаточно репрезентативен, чтобы на его основе строить теории, что представления египтян конца I тысячелетия до н. э. о событиях двухтысячелетней давности основываются на достаточно надежных не дошедших до нас промежуточных свиде-

тельстввах, что, в конце концов, отсутствие информации о чем-то может быть столь же значимым, как и ее наличие.

Все это, разумеется, автору прекрасно известно, но, похоже, он часто забывает, насколько его изящные построения основываются на перечисленных *условностях*. Так весь Поздний период, от Нового царства до македонцев, похоже, был временем полного отсутствия интереса к дорамессидской истории (то есть ровно к половине династической истории Египта, до которой историческая память не дотягивалась) – каким образом тогда осуществлялась связь между традицией Туринского царского списка и Манефоном? Насколько однородны источники Манефона по разным периодам истории? Что поддерживало интерес к событиям прошлого в культуре, для которой важны не конкретные события, по сути своей случайные и необязательные, а поддержание миропорядка при помощи ритуалов, случайностей не терпящее? Почему, наконец, отсутствие упоминаний сакральности царя в гробничной надписи частного лица обязательно должно означать сомнение в этой сакральности, а не простое безразличие к этой теме в тексте определенного рода? Конечно, это вопросы не столько к диссертанту, сколько к египтологии в целом, причем даже не к ее уровню, а к принципам ее функционирования, но диссертант уже вышел на тот уровень, когда он ответствен за египтологию в целом.

Я считаю, что работа в рамках определенной теории всегда лучше, чем работа вообще без теоретической основы. И. А. Ладынин выстроил интересные и остроумные теории, достаточно надежно обосновав их с формальной точки зрения.

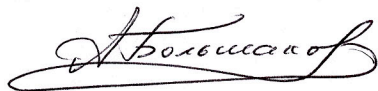
Это его несомненная большая заслуга. Теперь, когда эти теории вышли в свет, дело египтологии их испытывать, что-то принимать, с чем-то не соглашаться – но это дело именно всего египтологического сообщества, а не отдельного оппонента, чьи знания и возможности ограничены. В свое время огромное влияние на всю египтологию оказала теория Ж. Позенера о среднеегипетской литературе как царской пропаганде. Три десятилетия египтологи следовали ей, три десятилетия опровергали ее, до тех пор, пока она не вышла из сферы актуальности в сферу истории науки. Тем не менее, благодаря ей проблема царской пропаганды и связанная с нею тематика были разработаны с исключительной полнотой, и справедливость или несправедливость самой теории, если смотреть из сегодняшнего дня назад, роли уже не играет. То же самое относится к любой большой теории – она не только результат проделанной кем-то работы, но и толчок для всех остальных с непредсказуемыми результатами.

Высказанная в отзыве критика принципиально не может снизить оценку диссертации, поскольку она адресована не столько автору, сколько всей нашей науке в целом. Диссертация же отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова к работам такого рода. Ее содержание соответствует паспорту специальности 07.00.03 – «Всеобщая история (Древний мир)» и критериям, определенным в пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. Диссертация оформлена согласно приложе-

ниям №№ 5 и 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Иван Андреевич Ладынин заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – «Всеобщая история (Древний мир)».

Официальный оппонент:
доктор исторических наук,
заведующий Сектором Древнего Востока
Государственного Эрмитажа
Андрей Олегович Большаков

15 января 2017 г.

Подпись А. О. Большакова заверяю
Ученый секретарь Государственного Эрмитажа
М. М. Дандамаева

Контактные данные:

Тел.: +7 (963) 301 32 76, e-mail imhotep.ab@gmail.com

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

07.00.03 – «Всеобщая история»

Адрес места работы:

190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34, Государственный Эрмитаж.

Тел. 8 (812) 710 96 89